

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 40–49

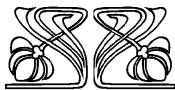
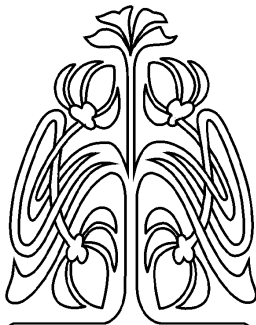
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 40–49

<https://imo.sgu.ru>

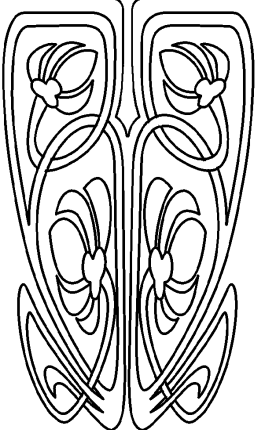
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-40-49>

Научная статья

УДК 94(410)|15|+929Лайл

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Леди Гонория Лайл: пределы власти раннетюдоровской аристократки

Д. А. Котлукова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Котлукова Дарья Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории, darya.kotlukova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6574-1377>

Аннотация. В статье на материале переписки леди Гонории Лайл выявляются возможности влияния знатной женщины на укрепление позиций и продвижение интересов ее собственных и ее семьи в раннетюдоровском аристократическом обществе. Показано, что достижению этой цели служили письма, личные контакты, покровительство, обмен информацией и подарками, широко практиковавшиеся леди Лайл. Границы власти этой женщины также очерчивались направляемыми на ее имя различными просьбами, выполнение которых находилось в компетенции ее супруга. Автор приходит к выводу о том, что леди Гонория Лайл в соответствии с представлениями того времени воспринималась прежде всего как жена виконта Лайла и инструмент влияния на ее высокородного супруга.

Ключевые слова: Англия, XVI век, Тюдоры, раннетюдоровская аристократия, семья Лайл, переписка семьи Лайл, женские социальные сети

Для цитирования: Котлукова Д. А. Леди Гонория Лайл: пределы власти раннетюдоровской аристократки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 40–49. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-40-49>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Lady Honor Lisle: The power limits of an Early Tudor Noblewoman

D. A. Kotlukova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Darya A. Kotlukova, darya.kotlukova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6574-1377>

Abstract. The article examines the possibilities of a noblewoman's influence on strengthening the positions and promoting the interests of her own and her family in the Early Tudor aristocratic society, based on the letters of Lady Honor Lisle. It is revealed that letters, personal contacts, patronage, exchange of information and gifts were widely practiced by Lady Lisle. The limits of this woman's power were also outlined by various requests addressed to her, the fulfillment of which was within the competence of her husband. The author concludes that Lady Honor Lisle, in accordance with the ideas of that time, was perceived primarily as the wife of Viscount Lisle and an instrument of influence over her high-born spouse.

Keywords: England, 16th Century, Tudors, Early Tudor's aristocracy, Lisle family, Lisle letters, women's social webs

For citation: Kotlukova D. A. Lady Honor Lisle: The power limits of an Early Tudor Noblewoman. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 40–49 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-40-49>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CCO-BY 4.0)

В тематическом многообразии, характерном для современной гендерной истории, значительное место отводится проблеме «гендер и власть». В этом контексте в работах историков часто применяется понятие «власть женщин» (women's power), одним из проявлений которой выступают так называемые женские социальные сети, или сети влияния – «межиндивидуальные связи между женщинами или формирующиеся вокруг одной женщины»¹.

Важное место в исследовании данной проблемы занимает анализ политического аспекта гендерной дифференциации в переломную эпоху западноевропейской истории раннего Нового времени, когда женщины из аристократических фамилий, близкие к престолу, будучи «политическими существами»², неизбежно оказывались в центре событий³. В этой связи особую актуальность приобретает изучение роли социальных сетей в жизни английской аристократки первой половины XVI в., что позволяет показать истинное положение знатной дамы в обществе того периода.

В центре нашего исследования – леди Гонория Лайл, супруга сэра Артура Плантагенета, лорда Лайла, принадлежавшего к аристократической элите раннетюдоровской Англии. Сэр Артур являлся bastardом короля Эдуарда IV (1461–1483), представителя Йоркской линии Плантагенетов, и по материнской линии приходился дядей Генриху VIII Тюдору (1509–1547). Всем, что он имел, сэр Артур был обязан тюдоровской династии и лично Генриху VIII: 25 апреля 1523 г. состоялась креация нового виконта Лайла⁴. Сэр Артур входил в Тайный совет, в 1533 г. занял пост лорда-наместника Кале и лорда-смотрителя Пяти портов⁵. Леди Гонория Лайл происходила из древнего, но провинциального дворянского рода Гренвилл. После смерти первого мужа, сэра Джона Бассета, ей достались многочисленные земельные владения, что сделало ее завидной невестой. Это не могло остаться без внимания короля, в 1529 г. устроившего ее брак на тот момент с вдовцом виконтом Лайлом. У супругов не было общих детей, но в семье воспитывались 9 отпрысков лорда и леди Лайл от предыдущих браков⁶.

Основным источником для данного исследования послужила переписка семьи Лайл, которая включает в себя около 3 тыс. писем за период с 1533-го по 1540 г.⁷ Необходимость столь обширной корреспонденции вызывалась тем обстоятельством, что лорд и леди Лайл проживали в Кале, в то время как их земли, интересы и двор короля находились в островной части Англии.

Первостепенное значение для нас имеют письма, автором и адресатом которых является леди Лайл. Надо сказать, что ведение переписки

выполняло важные функции в жизни раннетюдоровской аристократки⁸, позволяя леди Гонории поддерживать тесную связь с ближайшими родственниками и членами семьи, участвовать в управлении недвижимостью и домашним хозяйством, вести дела и способствовать разрешению юридических споров, укреплять отношения родства и покровительства, выступать в качестве посредника или покровителя в обращениях о предоставлении услуг и оказании помощи, быть в курсе новостей – семейных, местных, общегосударственных.

Среди участников переписки леди Лайл были король Генрих VIII, его ближайший советник в 1532–1540 гг. и главный идеолог Реформации в Англии Томас Кромвель, гуманист и реформатор, принимавший активное участие в политической и религиозной жизни королевства, епископ Винчестерский Стивен Гардинер, а также многочисленные представители английской аристократии. Такой состав участников переписки не удивителен и объясняется высоким статусом семьи Лайл в раннетюдоровском обществе. Помимо этого, значительная часть адресатов леди Гонории не принадлежала к числу титулованной знати: это были не только управляющие поместьями и торговые агенты, но и представители провинциального дворянства, которые не могли похвастать родовитостью происхождения и обращались к ней за помощью и покровительством. Все эти послания имеют особую ценность, поскольку позволяют очертить круг общения леди Лайл вне ее семьи, показать роль этой знатной дамы в высшем английском обществе при Генрихе VIII.

Начать следует с упоминания того факта, что леди Гонория Лайл была удостоена чести быть представленной королю сразу после свадьбы с сэром Артуром и впоследствии встречалась с ним. Об этом, в частности, свидетельствуют ее письма мужу, отправленные из Лондона в Кале, в которых она передает содержание разговора, состоявшегося у нее с Генрихом VIII, и описывает встречу с королевскими отпрысками в 1538 г.⁹

Безусловно, королевские особы, жизнь двора, придворные новости занимают важнейшее место в корреспонденции леди Гонории. Все это было крайне необходимо для того, чтобы постоянно находиться в курсе событий и своевременно реагировать на все, даже малейшие изменения при дворе, в настроениях монарших особ и придворной аристократии, частью которой были супруги Лайл, находившиеся по ту сторону Ла-Манша. В конце письма сэра Ричарда Пейджа, датированного 15 октября 1533 г., отдельными строками сообщается о том, что «король и королева (Анна Болейн. – Д. К.) здоровы»¹⁰. Сэр

Джон Дадли, 1-й герцог Нортумберленд, в последнем абзаце своего письма от 10 мая 1536 г. счел необходимым сообщить леди Лайл последние новости. Правда, предваряет он их фразой: «Не думаю, что должен сообщать вам эти новости, к этому времени о них уже знает весь мир»¹¹. Далее он пишет, что сэр Генри Норрис, сэр Фрэнсис Уэстон, сэр Уильям Брертон, Маркес, возможно, что так сэр Джон называл Марка Смитона, придворного музыканта, вхожего в личные покои королевы¹², и лорд Рочфорд (Джордж Болейн, виконт Рочфорд, младший брат Анны Болейн. – Д. К.) арестованы, «и в следующую пятницу в Вестминстере им предъявят обвинение. Что касается королевы, то она будет осуждена парламентом»¹³. Речь идет о знаменитом деле королевы Анны Болейн, которой предъявили обвинение в супружеской измене, а вышеперечисленных придворных арестовали как возможных любовников и пособников королевы. Как известно, утром 17 мая 1536 г. Джордж Болейн и остальные четверо осужденных были казнены в Тауэр-Хилл. Анну Болейн обезглавили через 2 дня. И вот уже Эдвард Корбет, один из джентльменов хаусхолда лорда Лайла, 5 июля 1536 г. сообщает леди Лайл о том, что король и новая королева (Джейн Сеймур. – Д. К.) отправились в Дувр, и пересылает письмо некой Маргарет Хорсман, «в котором более подробно описано путешествие королевской четы»¹⁴.

Для леди Лайл было чрезвычайно важно сохранять связь с королевским двором, знать, что о ней вспоминают, ею интересуются. Как бы в ответ на такой запрос знакомые леди Гонории неоднократно упоминали в письмах о том, что «король спрашивал о ее здоровье»¹⁵. Сэр Эдвард Рингли, находясь при дворе, 11 июня 1534 г. пишет ей, что королева справлялась о том, «как поживает леди Гонория, понравился ли ей Кале»¹⁶, и «все при дворе интересуются, как ее дела, и хорошо о ней отзываются»¹⁷. Вряд ли Сэр Эдвард, отличавшийся удивительной прямолинейностью, вдруг решил польстить леди Лайл. Но если учесть, что она была родом из провинциального дворянства и большую часть жизни провела, даже не выезжая за пределы соседнего графства, кажется странным, что за достаточно короткое время она успела стать столь известной персоной при дворе короля. Скорее всего, придворные, прекрасно зная ее мужа, интересовались ею, чтобы потешить самолюбие виконта Лайла. Несомненно, это льстило леди Гонории, и она не без удовольствия рассказывала обо всем своему супругу, чего и добивались придворные.

Большую роль в укреплении позиций леди Лайл при дворе играл Томас Кромвель, который явно ей покровительствовал: они переписывались (в письме, написанном 6 декабря 1532 г., леди Гонория характеризует ранее полученное от Кромвеля послание как «очень душевное и доброе», которое она «неоднократно

просматривала»¹⁸), обменивались подарками¹⁹, встречались, обедали на празднике Всех Святых, конечно, в обществе лорда Лайла²⁰. В одном из посланий Кромвелю леди Лайл пишет, что они с мужем будут «вспоминать о наших встречах с удовольствием»²¹. Сохранилось и единственное письмо Кромвеля леди Гонории, датированное 20 ноября 1534 г. Оно содержит заверения в дружбе и заканчивается фразой «ваш любящий друг (yourlovingfriend), Томас Кромвель»²².

Многие усилия прилагала леди Лайл для того, чтобы укрепиться при дворе, в том числе за счет собственных дочерей. Она одаривала подарками – вишней, сардинами и даже «золотым сердцем»²³ – Элеонор Маннерс, графиню Ратленд (урожденную Пастон, ок. 1495–1551), фрейлину четырех королей – жен Генриха VIII (Анны Болейн, Джейн Сеймур, Анны Клевской и Кэтрин Ховард)²⁴, в обмен на помощь в устройстве ее дочерей фрейлинами при дворе. В итоге одна из дочерей леди Гонории стала фрейлиной самой графини Ратленд²⁵.

Такие действия леди Лайл нисколько не противоречили общепринятым нормам. В тюдоровскую эпоху дарение и получение подарков играло огромную социальную роль²⁶. По мнению Ф. Хил, обмен подарками, особенно продуктами, содержал в себе несколько смыслов. Во-первых, пища выступала в качестве объединяющего элемента, т. е. «мы едим одно и то же, следовательно, у нас много общего». Во-вторых, при помощи подобных подарков можно было установить отношения патроната, все зависело от статуса дарящего и одаряемого. И, в-третьих, примешивается религиозный аспект – необходимость проявления щедрости²⁷.

В целом же леди Лайл вела себя чрезвычайно активно в своем стремлении устроить дочерей фрейлинами королевы. Были задействованы многие знакомые из числа королевских приближенных и других знатных особ²⁸, королеве неоднократно посылались подарки²⁹. Напористость леди Лайл, видимо, стала достоянием королевы, которая тем не менее не спешила оказать столь желанную милость, в связи с чем у леди Гонории даже возникли мысли о ее плохом к ней отношении, которыми она поделилась со своими знакомыми. Чтобы развеять их, Ричард Донси уверяет леди Лайл, что «королева не относится плохо к ней и хорошо о ней отзывалась»³⁰.

Благодаря усилиям леди Гонории фрейлиной Джейн Сеймур стала одна из ее дочерей Энн Бассет, которая по повелению своей госпожи осенью 1537 г. вынуждена была сменить сначала свои головные уборы, а потом и вовсе все наряды с «французских» на «английские»³¹. Надо ли говорить, скольких средств это потребовало от леди Лайл и всей ее семьи. Но, конечно, продвижение дочери во фрейлины королевы было важной победой леди Гонории, получившей

дополнительный инструмент влияния и канал информации о придворной жизни. Именно через свою дочь леди Лайл дважды отправляла Генриху VIII приготовленный ею айвовый мармелад. В первый раз в 1539 г. Энн в своем письме матери пишет, что мармелад так понравился королю, что тот велел ей спросить рецепт³². Через год Генрих также отнесся к мармелладу «благодарительно»³³. Не будем забывать и о том, что фрейлины пользовались значительным королевским покровительством и вознаграждались разными привилегиями, в том числе пожизненной пенсией³⁴.

Особое место в корреспонденции леди Гонории Лайл занимает переписка с сэром Генри Монтегю и супругами Рингли. Сэр Генри, лорд Монтегю 15 июля 1533 г. направил леди Лайл письмо, в котором сообщил о разговоре с главным судьей казначейства: он «отрицал все слова, что приписывались ему»³⁵. Очевидно, ходили какие-то слухи, связанные с семьей Лайл, но, к сожалению, они никак не отражены в письмах. Важно, что сэр Генри уверяет: «Не сомневайтесь, если до моих ушей дойдет что-нибудь, что оскорбит честь моего лорда (сэра Артура. – Д. К.) и вашу, то я буду защищать вас»³⁶. Видимо, сэра Генри и виконта Лайла связывали дружеские отношения, поскольку лорд Монтегю не только пытается пресечь все слухи о семье сэра Артура, но и тревожится за его здоровье. В предыдущем письме леди Гонория, скорее всего, спрашивала какого-то совета у сэра Генри, и тот ответил: «Кале несколько обременителен, как я и предполагал, для такого желудка, как у милорда»³⁷, а далее просит ее особенно тщательно следить за здоровьем сэра Артура.

О близости лорда Монтегю к семье Лайл свидетельствует и его второе письмо от 12 февраля 1534 г. Сэр Генри пишет, что «сообщил своей матери о добром здравии супругов Лайл, и та была очень этому рада»³⁸.

Помимо переписки лорда Монтегю и леди Лайл связывали деловые отношения. Сэр Генри помогал леди Гонории продавать сельдь³⁹ и, очевидно, неспроста уведомлял ее о прибытии своих кораблей, груженных стеклом, испанским вином и оливками⁴⁰.

Причина столь тесных отношений 1-го барона Монтегю с семьей Лайл кроется, скорее всего, в происхождении сэра Генри. Его отцом был Ричард Поул, видный соратник короля Генриха VII (1485–1509), а матерью – Маргарет Поул, графиня Солсбери, дочь Джорджа Плантагенета, герцога Кларенса. Стало быть, Маргарет Поул приходилась сэру Артуру двоюродной сестрой, что она и не скрывает, называя сэра Артура в письме к нему «кузеном»⁴¹. Сам лорд Монтегю был двоюродным племянником лорда Лайла. Помимо родства, их сближали также взгляды на политику и религию: оба были

приверженцами католичества, осуждали религиозную политику короля и его второй брак с Анной Болейн. Лорд Монтегю, как и лорд Лайл, был обвинен в государственной измене и 4 ноября 1538 г. посажен в Тауэр. Вместе со своей матерью Маргарет Поул лорд Монтегю был казнен, а лорд Лайл после двух лет заключения в Тауэре в 1542 г. помилован королем, но сразу же умер от сердечного приступа.

Переписывалась леди Гонория и с семьей Рингли, несмотря на существовавшие противоречия между сэром Эдвардом Рингли и виконтом Лайлом. Сэр Эдвард родился в мелкопоместной семье в Стаффордшире, затем с помощью герцога Бэкингема смог получить земли в Кенте. Заключив выгодный брак с вдовой одного из местных дворян, он смог расширить свои владения. В 1528 г. сэр Эдвард был назначен инспектором оборонительных сооружений в Кале, затем с помощью герцога Норфолка стал маршалом города и даже был избран в парламент от Корнуолла, в чем ему помог Ричард Гренвилл, родственник леди Гонории. С лордом Лайлом у сэра Эдварда были натянутые отношения, их постоянные конфликты даже вынудили его продать свою должность маршала Кале одному из родственников леди Гонории и в 1536 г. вернуться в Кент.

Причиной конфликта послужила нередко шокировавшая современников прямолинейность сэра Эдварда, который высказывал то, что считал нужным, и не щадил самолюбия своих собеседников. «Если я когда-либо был груб с вами, я уверен, что это было ради вашей чести, потому что я никогда не хотел для вас ничего худшего, чем для себя, и все же я уважаю свою бедную честность так же, как и любой другой человек»⁴², – написал сэр Эдвард при отъезде из Кале 24 мая 1535 г. И, несмотря на выраженное в этом же письме нежелание когда бы то ни было возвращаться к службе в Кале, в Англии он смог снискать благосклонность Томаса Кромвеля и в 1539 г. вновь вернулся в Кале к неудовольствию лорда Лайла.

В отличие от их супругов леди Лайл и леди Рингли связывали дружеские отношения. Они неоднократно обменивались подарками. Леди Рингли посылала каплунов и сыр, отмечая, что «отправила бы что-то получше, если бы была такая возможность»⁴³. В нескольких письмах она передавала свои «сердечные приветы» всем дочерям семьи Лайл, называя их поименно⁴⁴. Ясно, что леди Рингли была лично знакома со всеми детьми супругов Лайл и располагала информацией, кто именно из них находился в данный момент в доме родителей.

Неоднократно в письмах леди Рингли просят ирония, легкое поддразнивание леди Лайл. Так, она передает приветы, будучи в отъезде, лорду Лайлу, своему мужу и некой леди Банистер. В письмах не упоминается, кем

была эта самая леди, но следующий пассаж леди Рингли касается именно ее. Обращаясь к леди Лайл, она пишет: «... Добрая леди, будьте внимательны, чтобы леди Банистер не лишила нас с мужем нашей любви, пока я в отъезде»⁴⁵. Не в характере тюдоровской переписки было писать подобные вещи, особенно тому, кто не являлся даже домочадцем, а потому это можно считать шуткой леди Рингли. Но шутить подобным образом можно было лишь с человеком, которому доверяешь, который это поймет и оценит. А вот на отношение леди Рингли к виконту Лайлу накладывала отпечаток неприязнь, сквозившая во взаимоотношениях между ним и ее супругом. В письме, где леди Рингли сообщает об отъезде из Кале, появляется даже намек на сарказм. Она пишет, что благодарна господину (сэру Артуру. – Д. К.) за то, что тот, несмотря на большую боль (суставы доставляли лорду много неприятностей), пришел ее проводить, но ей «нечем вознаградить его, кроме молитвы»⁴⁶. Принимая во внимание характер писем той эпохи, когда благодарность выражали более многословно и высокопарно, эти слова можно считать насмешкой. Будь леди Рингли действительно благодарна лорду Лайлу, она бы, несомненно, пожелала ему долгих лет жизни, чтобы бог его благословил и хранил.

Большинство писем леди Гонория получила от людей, просивших ее о какой-либо услуге, помощи, причем статус этих людей был самый разный – от мелкопоместных дворян до приближенных короля, светских лиц и церковнослужителей.

Ряд адресатов обращается к леди Лайл с просьбой повлиять на ее супруга в решении того или иного вопроса. Сэр Энтони Виндзор в 1535 г. направил письмо именно с такой целью⁴⁷. Суть проблемы состояла в том, что слуга сэра Энтони, некий Нортон, убил оленя в лесу, смотрителем которого был лорд Лайл, о чем последнему доложил Оудэл, скорее всего, местный лесничий. Оудэл предположил, что слуга сэра Энтони совершил это преступление, а убийство оленя в то время считалось именно преступлением, за которое необходимо было понести наказание, по приказу своего хозяина, и лорд Лайл согласился с этим суждением. Как известно, Генрих VIII, который очень любил поохотиться, повелел сделать некоторые леса заповедниками, чтобы олени в тех местах не истреблялись, и монарх всегда мог найти дичь для охоты⁴⁸. В такие парки назначались смотрители и лесничие, получавшие жалование от короны. Одним из смотрителей был виконт Лайл. В своем письме сэр Энтони отрицает какую-либо причастность к данному инциденту, уверяя, что никогда не посмел бы совершить подобное, и сетует на то, что лорда Лайла ввели в заблуждение ложными наветами. Сэр Энтони, очевидно, надеется на содействие леди Лайл, которая сможет повлиять

на мнение своего мужа, чтобы тот признал его невиновным.

Содействия леди Лайл просит и сэр Эдмунд Говард, младший брат герцога Норфолка, имевший весьма скудное состояние и большое количество детей. В своем письме лорд Говард обращается к леди Гонории с просьбой повлиять на ее мужа с тем, чтобы ему была предоставлена комната для одного из слуг: «Я отдам ее Баку, поскольку Лейк не хочет»⁴⁹. Сэр Эдмунд ссылается на то, что его сын, который теперь живет в Гине (в 10 км к югу от Кале. – Д. К.), передал свою комнату в Кале слуге, и сэр Эдмунд тоже хочет поселить кого-то из слуг в этом городе. У него самого средств нет, поэтому он и просит леди Лайл передать лорду Лайлу его пожелание, а также пишет о том, что после ужина придет к сэру Артуру с этой просьбой лично⁵⁰.

На посредничество леди Лайл рассчитывает и Маргарет Барнаби, которая просит ее поговорить с лордом Лайлом и помочь вызволить мужа, который попал в плен к французам в 1535 г. и «оказался в большой беде»⁵¹. Известно лишь, что произошло это после столкновения на море, причем, корабль, на котором находился муж Маргарет Барнаби, не был военным. Других подробностей в письме не раскрывается. Возможно, что французы могли нападать на английские корабли с целью грабежа.

Среди корреспонденции, адресованной леди Гонории, есть и письмо от леди Маргарет Брайан⁵², которая занималась воспитанием детей Генриха VIII. В 1537 г., когда было написано интересующее нас послание, воспитанницей леди Маргарет была принцесса Елизавета, а менее чем через год она станет главной особой при дворе маленького принца Эдуарда⁵³. Из послания леди Брайан следует, что королева Джейн Сеймур направила письмо лорду Лайлу с просьбой помочь констеблю Рисбанка, родственнику леди Маргарет. Но леди Брайан, видимо, не слишком полагаясь на лорда, решила написать еще одно письмо – леди Лайл, чтобы она напомнила своему супругу об этой просьбе.

Свое послание леди Лайл адресует в 1534 г. и Стивен Гардинер, на тот момент епископ Винчестерский. Он просит леди Лайл посодествовать одной бедной вдове⁵⁴ и упоминает, что не пишет мужу леди Лайл, а обращается с просьбой именно к ней. Очевидно, Гардинер считал, что леди Лайл быстрее добьется результата, напрямую поговорив с мужем.

Сэр Джон Дадли, 1-й герцог Нортумберленд, в мае 1536 г. просит леди Гонорию о помощи в предоставлении некой «солдатской комнаты» одному «бедному человеку»⁵⁵. Как следует из письма, отдать соответствующее распоряжение мог только виконт Лайл, но послание было адресовано леди Лайл. Именно она должна была уговорить своего мужа исполнить просьбу сэра

Джона. Возникает вопрос: почему он не написал лорду Лайлу лично, тем более что они когда-то были членами одной семьи: мать сэра Джона Дадли, леди Элизабет Грей, 6-я баронесса Лайл (дочь Эдварда Грея, 1-го виконта Лайл), второй раз вышла замуж за сэра Артура. Возможно, дело в том, что сэр Артур женился на леди Элизабет Грей вскоре (12 ноября 1511 г.) после казни за государственную измену (18 августа 1510 г.) сэра Эдмунда Дадли, отца сэра Джона. В силу этого он мог питать к отчиму весьма прохладные чувства. Возможно, на отношения между отчимом и пасынком повлиял раздел имущества после смерти леди Элизабет. Как известно, титул виконта Лайла сэр Артур унаследовал, пусть и с понижением, именно от своей жены в обмен ее сына и наследника. Вероятно, сэр Джон не мог не воспринимать лорда Лайла как соперника в борьбе за имущество семьи⁵⁶ и испытывал чувство досады и обиды за то, что титул достался отчиму, а не ему. Очевидно также, что сэр Джон, как и многие другие просители, знал о том влиянии, которое леди Гонория имеет на своего мужа, и через нее можно значительно быстрее добиться ожидаемого результата. Есть в письме сэра Джона Дадли и то, что отличало это послание от корреспонденции остальных адресатов, которые ограничивались словесной благодарностью. Он пишет леди Лайл, что в следующий раз «сделает все, что в его малых силах», чтобы помочь ей⁵⁷. Конечно, герцог Нортумберленд явно принижает свои возможности, что, впрочем, было в духе эпистолярного жанра того времени. Взлет его карьеры начинается уже с конца 30-х гг. XVI в.: в 1538 г. он становится военным комендантом и губернатором Кале, а в 1542 г. Генрих VIII назначает его лордом-адмиралом английского флота. Помощь, о которой пишет сэр Джон, могла пригодиться леди Гонории, поскольку та была втянута в большой земельный спор по поводу имущества своего первого покойного мужа, а также, как упоминалось выше, жаждала заполучить для своих дочерей место при дворе.

Некоторые адресаты через леди Гонорию фактически обращаются к виконту Лайлу. Так, настоятель Айвичерча в своем письме от 8 августа 1533 г. просит леди Лайл передать лорду, чтобы тот прислал оленины из Кларендонского парка, смотрителем которого являлся, поскольку «главный судья казначейства не хочет ее присылать»⁵⁸. А сэр Роберт Уингфилд и его жена леди Джейн Клинтон обращаются с просьбой прислать им половину оленя⁵⁹. Супруги объясняют, что племяннику сэра Роберта и лорду Лайлу был пожалован олень, которого желательно поскорее разделить и отдать причитающуюся им половину.

Многие адресаты просят леди Лайл пристроить на службу их родственников и знакомых, помочь в каких-то сложных ситуациях. Некая

Элис Гэй в послании от 1 октября 1533 г., адресованном леди Лайл, благодарит за «доброту к ее сыну, Джону Уорту»⁶⁰. Очевидно, в это время Джон Уорт был взят на службу в семью Лайл по просьбе родственницы леди Гонории, вдовы ее старшего брата Маргарет Гренвилл. В августе 1533 г. она написала леди Лайл письмо, в котором просила «быть хорошей госпожой Джону Уорту»⁶¹.

О Джоне Уорте известно следующее. Его отец, Отс Уорт из Коптон Пола в Девоне, умер в 1504 г., когда мальчику исполнилось всего 5 лет. Мать Джона Элис была дочерью Джона Милтона из Мейви, вторым браком она сочеталась с Джоном Гэем из Голдсуорта. Можно проследить родство Милтонов с Гренвиллами. Мать Элис Милтон-Уорт-Гэй, тоже Элис, была одной из дочерей Томаса Дениса из Холком Барнелла. Другая его дочь вышла замуж за одного из Холсов, которые благодаря бракам были в родстве с Гренвиллами.

Джон Уорт предпринял несколько безуспешных попыток добиться достойного места в доме Лайл. Но сумел стать лишь членом свиты, получая за это 8 фунтов в год – обычное жалование виночерпия. Учитывая условия завещания его отца, Джон не был обеспечен достаточным количеством земель, весь его доход составлял около 10 фунтов в год. Однако вскоре ситуация изменилась. Благодаря влиянию Гренвиллей в марте 1534 г. он был принят на службу к супругам Лайл и, вероятно, хорошо себя зарекомендовал. Известно, что в 1535 г. его хозяева даже доверили ему маленького Джеймса Бассета, младшего сына Гонории, когда его в возрасте 8 лет в первый раз отправили в Парижский университет⁶². Джон Уорт продолжал служить этой семье и в дальнейшем: именно он в 1539 г. сообщал в письме виконту Лайлу о процессии королевского двора в Страстной четверг и о прогулке монарха со свитой «на лодках по Темзе под звук дудок и барабанов в предшествующий этому день»⁶³.

С просьбой взять на службу своего знакомого обращался к леди Лайл и сэр Томас Элиот – один из выдающихся деятелей английского Ренессанса, дипломат, посол, состоявший на службе у кардинала Томаса Уолси, клерк Тайного совета в 1523–1530 гг. Элиот был лично знаком с виконтом Лайлом⁶⁴, но написал письмо леди Лайл, прося повлиять на его знакомого, слишком увлекавшегося игрой в кости, и посмотреть за ним⁶⁵.

Некий Уильям Попли также обращается к леди Лайл в надежде на то, что она поможет его другу найти какое-либо занятие. Леди Гонория в ответном письме сообщает, что нашла, наконец, место лучника и просит Уильяма Попли поскорее прислать к ним своего друга⁶⁶. Как видим, леди Гонория Лайл очень внимательно относилась к обращенным к ней просьбам, стараясь помочь.

Помощи у леди Лайл просит и сэр Ричард Пейдж⁶⁷, который, видимо, служил при дворе до 1536 г., после чего получил возможность покинуть короля и уехать в провинцию, для которой он, по его собственному мнению, «подходил больше, чем для дворца»⁶⁸. Он сообщает ей в письме, что некий Томас Стокуайт, который и доставит это письмо, находится в сложной жизненной ситуации. У него нет источников дохода, «полный дом детей»⁶⁹ и, вдобавок, долги. Сэр Ричард просит леди Гонорию дать денег, чтобы Томас мог расплатиться с кредиторами, и помочь ему с работой. Сэр Ричард заверяет, что «этот человек честный и ответственный и будет хорошо служить на той должности, которую ему дадут»⁷⁰.

Леди Уэстон подробно описала в своем письме ситуацию, которая вынудила ее обратиться к леди Лайл. Речь идет о некой 25-летней девушке, «которую хорошо знает камеристка леди Лайл, а лорд Лайл знает ее отца»⁷¹. С ней произошла очень неприятная история. Она влюбилась в одного из джентльменов из хаусхолда мужа леди Уэстон. Молодой человек ответил ей взаимностью, но жениться не захотел. Муж леди Уэстон был крайне огорчен и отослал молодого человека подальше, а девушку – к ее дяде, объявив леди Уэстон, что больше не примет ее на службу. Леди Уэстон была озадачена тем, чтобы пристроить несчастную, и пишет леди Лайл, что «эта девушка очень хорошо исполняет свои обязанности» и может прислуживать как самой леди Гонории, так и дочерям семьи Лайл⁷².

Леди Маргарет Брайан, о которой упоминалось ранее, в 1537 г. просит леди Лайл помочь подателю ее письма и его жене. Она пишет, что это «очень хорошие люди, особенно, его жена»⁷³. Видимо, леди Брайан надеялась, что леди Гонория сумеет пристроить жену посыльного или подыскать для нее какую-то работу.

Не осталась леди Гонория равнодушной и к судьбе Элизабет Стейнинг, чей муж Уолтер Стейнинг и она сама, да еще беременная, оказались в тюрьме. К сожалению, установить причину ареста не представляется возможным. По уверениям Элизабет, к этому был причастен некий Эрандел, приходившийся ей кузеном⁷⁴. Неизвестно, кем именно был этот кузен. На этот счет есть несколько предположений. Это могли быть сэр Джон Эрандел, скончавшийся в 1545 г., или кто-то из его сыновей – Джон Эрандел-младший либо Томас. Элизабет Стейнинг и помогавшая ей леди Уитхил обратились к леди Лайл неспроста. Вторым браком Джон Эрандел-старший был женат на Кэтрин Гренвилл, младшей единокровной сестре леди Лайл. Леди Гонория могла через сестру попытаться повлиять на данную ситуацию. Кроме того, леди Лайл попросила своего знакомого при дворе сэра Норриса помочь с разбирательством дела мужа Уолтера Стейнинга⁷⁵. На этот поступок ее подтолкнула леди Уитхил,

лично прибывшая в Кале просить за этих людей и сообщившая, что Элизабет Стейнинг на большом сроке беременности водят по допросам⁷⁶. Леди Лайл пыталась убедить ее уехать, но леди Уитхил ответила отказом: «Как бы вы не пугали меня, что, оставаясь здесь, я подвергаю себя опасности, я вспоминаю одну старинную поговорку – напуганный человек живет дольше»⁷⁷.

Точка в этом деле, длившемся с осени 1533 г., была поставлена в середине июня 1534 г. В письме от 15 июня Элизабет Стейнинг благодарит леди Лайл за помощь⁷⁸. При этом она пишет, что сэр Норрис сделал не так много, как она ожидала. Элизабет считала свое освобождение и освобождение своего мужа исключительно заслугой леди Лайл и Томаса Кромвеля, который, по уверению самого Норриса, не придавал особого значения его словам⁷⁹. Но мы знаем, что Кромвель был весьма расположен к леди Гонории.

Следующая тема в письмах леди Лайл – это обмен подарками, выражение добрых чувств авторов писем по отношению к леди Гонории. Так, Уильям Нокстон, священник Саутвика, высказывает ей слова признательности «за поддержку и чудесные письма, которые ему очень помогли»⁸⁰. Судя по всему, леди Лайл помогала ему материально и, возможно, решила какую-то насущную проблему, о сути которой, к сожалению, ничего неизвестно.

Ранее упоминалось о подарках, которыми обменивались леди Лайл с графиней Ратленд и леди Рингли. Однако среди писем есть и другие, в которых тоже содержится информация на этот счет. Настоятель Айвичерча в своем письме от 8 августа 1533 г. благодарит леди Лайл «в целом за все» и отдельно за присланное «хорошее вино»⁸¹. Сэр Дрю Уильямс, викарий Сент Кеверна, тоже благодарен леди Лайл «за хорошее настроение, которое было у него в прошлом, когда он находился в ее обществе»⁸². Возможно, не обошлось и без подарков со стороны леди Лайл, поскольку в ответ сэр Дрю посылает ей килдеркин (большую бочку. – Д.К.) с четырьмя живыми корнуоллскими угрями. Сэр Ричард Донси, который находился при дворе королевы Джейн Сеймур, в письме леди Лайл от 22 июля 1537 г. пишет, что хочет отплатить ей за проявленную ранее доброту⁸³. Сложно сказать, о чем именно идет речь – то ли о возможных подарках от леди Лайл в виде продуктов или одежды, то ли о проявленном участии, за которые сэр Ричард пожелал отблагодарить леди Гонорию.

Встречаются также письма на бытовые темы, касающиеся, например, болезней и лекарств и даже приглашения в гости. Письмо доктора Чамбра, адресованное леди Лайл, отличается лаконичностью. Тот получил просьбу леди и лорда Лайл осмотреть одного из их слуг, некоего Рейнолдса, и просит передать, что постарается «сделать все, что в его скромных силах»⁸⁴. Примечателен тот факт, что этот доктор считался

одним из лучших в Англии и пользовался доверием самого короля.

Сэр Эдмунд Говард в своем письме упоминает новое лекарство, «которое ему посоветовали и которое будет еще более полезно женщинам»⁸⁵. Судя по тому, что леди Лайл, как и многие аристократы того времени, переняв эту привычку у Генриха VIII, интересовалась медициной, собирала рецепты разнообразных лекарств и делилась ими с окружающими, ей явно была интересна эта информация. В качестве нового лекарства выступала нога или крыло аиста, съев которое, человек мог привести всю мочеполовую систему в порядок, а также улучшить свою речь. Из контекста письма сэра Эдмунда становится также понятно, что он обратился к леди Гонории за помощью, поскольку имел проблемы с почками, и леди Лайл посоветовала ему некое средство. В письме сэр Эдмунд подробно описывает действие этого лекарства, которое он принял после полуночи. В итоге, по его ощущениям, камень из почек вышел⁸⁶, но из-за побочных эффектов лекарства он не сможет поехать за границу и присутствовать на ужине у леди Лайл. В связи с этим он просит передать свои извинения ее мужу⁸⁷.

А упоминавшийся ранее сэр Ричард Пейдж сообщил леди Лайл о прекращении службы во дворце и пригласил в гости, если у нее будет «возможность приехать в наши края»⁸⁸.

Таким образом, судя по переписке, наиболее значимой стратегией леди Гонории Лайл было укрепление позиций ее самой и ее семьи при дворе Генриха VIII. Она использовала переписку с представителями придворной аристократии и другими знатными адресатами для того, чтобы гарантировать права и привилегии для себя, своего высокородного мужа, своих детей. Леди Гонории было важно знать, что происходит при дворе, как меняются настроения и предпочтения монарших особ, как можно чаще напоминать о себе, создавая информационное поле и используя его в своих целях. В рамках отмеченной стратегии следует рассматривать и стремление леди Лайл через установленные и подкрепляемые ею посредством подарков связи со знатными дамами и отношения покровительства получить место фрейлин для своих дочерей, которое отчасти было реализовано: одна из дочерей стала фрейлиной графини Ратленд, а вторая – королевы Джейн Сеймур. Фактически речь идет о том, что леди Лайл, пользуясь высоким статусом супруги виконта Лайла, оказывала на определенный круг придворной аристократии неформальное влияние для достижения собственных целей, обусловленных интересами ее семьи, в чем можно видеть одно из проявлений власти леди Гонории.

Пределы власти этой, в своем роде неординарной, женщины очерчивались и различными по содержанию просьбами, с которыми к ней обращались адресаты, находившиеся на разных уровнях социальной иерархии. Многочисленные

просьбы, направленные леди Лайл, могли касаться как лично авторов тех или иных посланий, так и их родственников, друзей, знакомых и даже слуг, оказавшихся в трудном финансовом положении или иной сложной ситуации и в силу этого надевавшихся на ее помощь и покровительство. При этом выполнение практически всех просьб, адресованных леди Гонории, на практике находилось не в ее компетенции, а относилось к сфере деятельности ее мужа. Все эти просители, за редким исключением, видели в леди Лайл некий инструмент влияния на виконта Лайла, который, следует признать, прислушивался к своей супруге. А если учесть его рассеянность и забывчивость, то напоминание жены в личной беседе могло оказаться весьма своевременным и эффективным.

Конечно, леди Лайл и сама могла оказывать небольшие услуги или делать подарки, как это было в случае с Ричардом Донси или сэром Ричардом Пейджем. В таких случаях благодетельствованные подобным образом люди пытались всеми возможными способами отплатить за оказанную любезность: кто-то сообщал новости при дворе короля, а кто-то посылал бочку угрей.

Среди многочисленных писем с просьбами и благодарностями можно найти лишь несколько посланий (письма четы Рингли, лорда Монтегю и Ричарда Донси), в которых проявляется бескорыстное, дружеское отношение к леди Лайл.

Следует констатировать, что леди Гонория Лайл, вошедшая в высшее аристократическое общество благодаря замужеству, в полном соответствии с представлениями и традициями того времени воспринималась прежде всего как жена виконта Лайла, дяди короля. Использование ею скрытых, неформальных каналов влияния нередко могло быть весьма успешным. Но это не отменяло, во-первых, устойчивой гендерной асимметрии: леди Гонорию использовали, как правило, лишь как инструмент влияния на ее высокородного супруга. Во-вторых, в общественном восприятии она оставалась представительницей провинциального дворянства: даже брак с виконтом Лайлом не изменил принципиально ее статус в глазах общества, традиционно высоко ценившего знатность происхождения⁸⁹. Поэтому не удивительно, что после кончины виконта Лайла в 1542 г. она удалилась в небольшое имение в Корнуолле, где и жила в полном забвении до самой своей смерти в апреле 1566 г.

Примечания

¹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 538.

² Там же. С. 544.

³ См.: Абаренова А. И. Женские социальные сети влияния: взаимоотношения знатных дам в Англии первой

- половины XVI века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 23.
- ⁴ См.: Стасевич В. А. Титулованная знать при ранних Тюдорах. СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. С. 317.
- ⁵ Elton G. R. Viscount Lisle at Calais // London Review of Books. 1981. Vol. 3, № 13. P. 3–5.
- ⁶ Grenville R. The history of Grenville family. Exeter : William Pollard & Co., 1895. P. 65–70.
- ⁷ The Lisle Letters : in 6 vols. / ed. by M. St. Clare Byrne. Chicago ; London : University of Chicago Press, 1981 (далее – The Lisle Letters).
- ⁸ Daybell J. Women Letter-Writers in Tudor England. New York : Oxford University Press, 2006. P. 1.
- ⁹ Lady Lisle to Lord Lisle 23 November 1538 // The Lisle Letters. Vol. 5. P. 305.
- ¹⁰ Sir Richard Page to Lady Lisle 15 October 1533 // Ibid. Vol. 1. P. 582.
- ¹¹ Sir John Dudley to Lady Lisle 10 May 1536 // Ibid. Vol. 3. P. 328.
- ¹² См.: Борман Т. Частная жизнь Тюдоров : секреты венценосной семьи / пер. с англ. А. В. Жирнова. М. : Эксмо-Пресс, 2017. С. 173.
- ¹³ Sir John Dudley to Lady Lisle 10 May 1536 // The Lisle Letters. Vol. 3. P. 329.
- ¹⁴ Edward Corbett to Lady Lisle 5 July 1536 // Ibid. P. 449.
- ¹⁵ Lord Lisle to Lady Lisle 24 September 1539 // Ibid. Vol. 5. P. 655.
- ¹⁶ Sir Edward Ryngeley to Lady Lisle 11 June 1534 // Ibid. Vol. 2. P. 181.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Honor viscountess Lisle to Cromwell 6 December 1532 // Letters of royal and illustrious ladies of Great Britain from the commencement of the twelfth century to the close of the reign of Queen Mary : in 3 vols. / ed. by M. A. Everett Wood. London : Printed by George Barclay, 1846. Vol. 2. P. 79 (далее – Letters of royal and illustrious ladies).
- ¹⁹ Honor viscountess Lisle to Cromwell 22 November 1532 // Ibid. P. 78.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Honor viscountess Lisle to Cromwell 7 October 1533 // Ibid. P. 82.
- ²² Cromwell to Lady Lisle 20 November 1534 // Life and letters of Thomas Cromwell / ed. by R. B. Merriman : in 2 vols. Oxford : Oxford University Press, 1903. Vol. 1. P. 392.
- ²³ Lady Rutland to Lady Lisle 10 June 1537 // The Lisle Letters. Vol. 4. P. 146.
- ²⁴ Harris B. J. English Aristocratic Women 1450–1550 : marriage and family, property and careers. New York : Oxford University Press, 2002. P. 30.
- ²⁵ Edward Corbett to Lady Lisle 10 November 1537 // The Lisle Letters. Vol. 4. P. 182.
- ²⁶ Heal F. Food Gifts, the Household and the Politics of Exchange in Early Modern England // Past and Present. 2008. No. 119. P. 53.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Sir Frances Bryan to Lord Lisle 20 January 1534 // The Lisle Letters : An Abridgement / ed. by Muriel St. Clare Byrne. Chicago : University of Chicago Press, 1983. P. 148.
- ²⁹ John Husee to Lord Lisle 23 May 1537 // Ibid. P. 205–206.
- ³⁰ Richard Dauncy to Lady Lisle 22 July 1537 // The Lisle Letters. Vol. 4. P. 155.
- ³¹ John Husee to Lady Lisle 2 October 1537 // Ibid. P. 211.
- ³² Ann Basset to Lady Lisle 22 December 1539 // The Lisle letters : An Abridgement. P. 282.
- ³³ Ann Basset to Lady Lisle 19 February 1540 // Ibid. P. 333.
- ³⁴ Keen M. Women and Politics in England, 1558–1625 : Patronage, petition and protest. Ann Arbor : Bell & Howell Information and Learning Company, 2000. P. 33.
- ³⁵ Henry Lord Montague to Lady Lisle 15 July 1533 // The Lisle Letters. Vol. 1. P. 492.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Henry Lord Montague to Lady Lisle 12 February 1534 // Ibid. Vol. 2. P. 45.
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Margaret Pole, Countess of Salisbury to Lord Lisle 6 March 1534 // Ibid. P. 65.
- ⁴² Sir Edward Ryngeley to Lord Lisle 24 May 1535 // Ibid. P. 488.
- ⁴³ Lady Ryngeley to Lady Lisle 13 July 1535 // Ibid. P. 522.
- ⁴⁴ Lady Ryngeley to Lady Lisle 11 June 1535 // Ibid. P. 505.
- ⁴⁵ Lady Ryngeley to Lady Lisle 18 May 1535 // Ibid. P. 485.
- ⁴⁶ Lady Ryngeley to Lady Lisle 27 April 1535 // Ibid. P. 470.
- ⁴⁷ Sir Antony Windsor to Lady Lisle 19 October 1535 // Ibid. P. 606.
- ⁴⁸ John Husee to Lady Lisle 17 July 1534 // Ibid. P. 218.
- ⁴⁹ Lord Edmund Howard to Lady Lisle n. d. // Ibid. P. 496.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Margaret Barnabe to Lady Lisle 19 February 1535 // Ibid. P. 406.
- ⁵² См.: Lady Margaret Bryan to Lady Lisle n. d. 1537 // Ibid. Vol. 4. P. 292.
- ⁵³ См.: Борман Т. Указ. соч. С. 184.
- ⁵⁴ Stephen Gardiner, Bishop of Winchester to Lady Lisle 20 June 1534 // The Lisle Letters. Vol. 2. P. 185–186.
- ⁵⁵ Sir John Dudley to Lady Lisle 10 May 1536 // Ibid. Vol. 3. P. 328.
- ⁵⁶ Stretton T. Stepmothers at Law in Early Modern England // Stepfamilies in Europe, 1400–1800 / ed. by L. Warner. London : Routledge, 2018. P. 52.
- ⁵⁷ Sir John Dudley to Lady Lisle 10 May 1536 // The Lisle Letters. Vol. 3. P. 328.
- ⁵⁸ The Prior of Ivychurch to Lady Lisle 8 August 1533 // Ibid. Vol. 1. P. 498.
- ⁵⁹ Sir Robert Wingfield and Lady Jane Clinton to Lady Lisle 5 September 1537 // Ibid. Vol. 4. P. 397–398.
- ⁶⁰ Alice Gay to Lady Lisle 1 October 1533 // Ibid. Vol. 1. P. 512.
- ⁶¹ Margaret Grenville to Lady Lisle 26 August 1533 // Ibid. P. 510.
- ⁶² John Worth to Lady Lisle 13 August 1535 // Ibid. Vol. 3. P. 114–115.
- ⁶³ John Worth to Lord Lisle 15 May 1539 // The Lisle Letters : An Abridgement. P. 279.

- ⁶⁴ См.: Письма леди Гонории Лайл / пер. с англ. Л. Н. Черновой и Е. В. Двойниной; коммент. Л. Н. Черновой // Гендерная история Западной Европы : хрестоматия : в 7 кн. Кн. 4 / сост. А. Ю. Серегина, А. В. Стогова. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2007. С. 232.
- ⁶⁵ Sir Thomas Elyot to Lady Lisle 3 December 1533 // *The Lisle Letters*. Vol. 1. P. 637.
- ⁶⁶ Lady Lisle to William Popley 12 June 1536 // *Ibid.* Vol. 3. P. 415.
- ⁶⁷ Sir Richard Page to Lady Lisle 15 October 1533 // *Ibid.* Vol. 1. P. 582.
- ⁶⁸ Sir Richard Page to Lady Lisle 18 July 1536 // *Ibid.* Vol. 3. P. 460.
- ⁶⁹ Sir Richard Page to Lady Lisle 15 October 1533 // *Ibid.* Vol. 1. P. 582.
- ⁷⁰ *Ibid.*
- ⁷¹ Lady Weston to Lady Lisle November or December 1532 // *Ibid.* P. 330.
- ⁷² *Ibid.*
- ⁷³ Lady Margaret Bryan to Lady Lisle n. d. 1537 // *Ibid.* Vol. 4. P. 292.
- ⁷⁴ Elizabeth Staynings to Lady Lisle early June 1534 // *Ibid.* Vol. 2. P. 168.
- ⁷⁵ *Ibid.*
- ⁷⁶ Lady Whethill to Lady Lisle 30 May 1534 // *Ibid.* P. 163.
- ⁷⁷ *Ibid.*
- ⁷⁸ Elizabeth Staynings to Lady Lisle 15 June 1534 // *Ibid.* P. 169.
- ⁷⁹ *Ibid.*
- ⁸⁰ William Noxton to Lady Lisle 12 September 1534 // *Ibid.* P. 251.
- ⁸¹ The Prior of Ivychurch to Lady Lisle 8 August 1533 // *Ibid.* Vol. 1. P. 498.
- ⁸² Sir Drue Williams to Lady Lisle 24 January 1534 // *Ibid.* Vol. 2. P. 32.
- ⁸³ Richard Dauncy to Lady Lisle 22 July 1537 // *Ibid.* Vol. 4. P. 155.
- ⁸⁴ Dr. Chambre to Lady Lisle 22 July 1537 // *Ibid.* P. 353.
- ⁸⁵ Lord Edmund Howard to Lady Lisle n. d. // *Ibid.* Vol. 2. P. 500.
- ⁸⁶ *Ibid.* P. 499.
- ⁸⁷ *Ibid.* P. 500.
- ⁸⁸ Sir Richard Page to Lady Lisle 18 July 1536 // *Ibid.* Vol. 3. P. 460.
- ⁸⁹ См.: Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла : деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 251–252.

Поступила в редакцию 31.10.2021; одобрена после рецензирования 08.11.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 31.10.2021; approved after reviewing 08.11.2021; accepted for publication 10.11.2021